

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ БЕНДЖАМИНА БАТТОНА

I

Еще в 1860 году младенцу приличествовало явиться на свет в родительском доме. Ныне же, как мне подсказывают, великие светила врачевания постановили, что первый крик его должен отзвучать среди больничного эфира и чем фешенебельней заведение, тем лучше для него. Таким образом, молодой господин Роджер Баттон с супругой на пятьдесят лет опередили современную моду, когда летним днем 1860 года решили, что их первенцу подобает родиться в больнице. Имеет ли подобный анахронизм какое-либо отношение к ошеломительной истории, о которой я собираюсь рассказать, — об этом доподлинно никто и никогда не узнает.

Я лишь поведаю вам о том, что было дальше, и позволю решать самим.

В довоенном Балтиморе финансовое положение, равно как и общественное, у семейства Баттонов было весьма прочным. Они состояли в родстве с Этой Семейей и с Той Семейей, а это, как известно любому южанину, говорило об их принадлежности к бесчисленной знати, щедро населявшей Конфедерацию. То был их первый

опыт в славном старинном обычае деторождения, и, по понятным причинам, господин Баттон был взволнован. Он надеялся, что родится мальчик, которого можно будет отправить в Йельский колледж, в Коннектикут, где сам господин Баттон в течение четырех лет носил весьма подходящее прозвище Манжетка.

Сентябрьским утром, всецело посвященный грандиозному событию, он в волнении поднялся в шесть утра, поправил и без того безупречный галстук и устремился по улицам Балтимора прямо к госпиталю, чтобы удостовериться, что минувшая темная ночь принесла на своей груди новую жизнь.

Когда до Мэрилендской частной больницы для Леди и Джентльменов ему оставалось ярдов сто, он увидел, как его семейный врач Кин спускается по ступенькам, потирая руки, как делают все доктора согласно неписаной профессиональной этике.

Господин Роджер Баттон, председатель правления компании по оптовой торговле скобяными товарами «Роджер Баттон и партнеры», помчался к доктору Кину с намного меньшим достоинством, чем можно было ожидать от джентльмена с Юга в это колоритное время.

— Доктор Кин! — кричал он. — Эй, доктор!

Услышав его, тот обернулся и застыл в ожидании, и по мере того, как к нему приближался господин Баттон, суровое лицо врача приобретало все более странное выражение.

— Что случилось? — вцепился в него задыхающийся Баттон. — Кто родился? Как она? Мальчик? Или кто? Что...

— Хватит молоть чепуху! — отрезал доктор Кин. Казалось, он был чем-то раздражен.

— Ребенок родился или нет? — взмолился Баттон.
Доктор Кин поморщился.

— В некотором роде да. — Он странно посмотрел на господина Баттона.

— С моей женой все в порядке?

— Да.

— Родился мальчик или девочка?

— Значит так! — вскричал разгневанный доктор Кин. — Идите и сами смотрите! Это возмутительно!

Проглотив последнее слово, он отвернулся, бормоча:

— Вы что, думаете, что это пойдет на пользу моей профессиональной репутации? Еще один подобный случай, и мне конец — да и вообще кому угодно!

— Да в чем там дело? — господин Баттон, объятый ужасом, все еще ждал объяснений. — Тройняшки?

— Нет, не тройняшки! — оборвал его доктор. — Идите, сами все увидите! И найдите себе другого врача. Молодой человек, я помог вам появиться на свет и сорок лет наблюдал ваших родных, но с вами никаких дел иметь не желаю! Не хочу больше видеть ни вас, ни ваших родственников, никогда! Прощайте!

Резко повернувшись и больше не сказав ни слова, он забрался в ожидавшую его у бордюра двуколку и с мрачным видом укатил прочь.

Ошеломленный господин Баттон остался стоять на тротуаре, дрожа, как осиновый лист. Какое несчастье могло случиться? Желание идти дальше внезапно покинуло его, и лишь с огромным трудом он заставил себя подняться по ступенькам и войти в двери Мэрилендской частной больницы для Леди и Джентльменов.

В непроницаемом для света мраке приемной залы за столом сидела постовая сестра. Отринув стыд, господин Баттон подошел ближе.

— Доброе утро, — она приветственно взглянула на него.

— Доброе утро. Я... Меня зовут Баттон.

Неподдельный ужас исказил лицо девушки. Вскочив со стула, она хотела было бежать, но с видимым усилием взяла себя в руки.

— Я хочу увидеть своего ребенка, — продолжил Баттон.

Медсестра ойкнула.

— Ко... конечно! — истерически закричала она. — Наверх. Идите наверх. Вам туда!

Она указала ему направление, и господин Баттон, которого прошиб холодный пот, на негнущихся ногах проследовал на второй этаж. Там он встретил другую медсестру, в руках которой был тазик.

— Меня зовут Баттон, — выдавил он. — Я хочу увидеть своего...

Блямс! Тазик упал на пол, поехав напрямик к лестнице. Блямс! Блямс! Он методически спускался прочь по ступенькам, словно поддался всеобщему ужасу, вызванному появлением этого джентльмена.

— Я хочу видеть моего ребенка! — Баттон почти срывался на визг. Он едва держался на ногах.

Дзынь! Тазик достиг первого этажа. Медсестра, справившись с минутным замешательством, смерила господина Баттона уничижительным взглядом.

— Хорошо, господин Баттон, — тихо согласилась она. — Будь по-вашему. Знали бы вы, в каком состоянии с самого утра весь наш персонал! Это просто

неслыханно! После подобного вся репутация нашей больницы...

— Быстрее! — хрипло взревел он. — Не желаю ничего слышать!

— Что ж, господин Баттон, следуйте за мной.

Он потащился вслед за ней. Пройдя по длинному коридору, они достигли комнаты, из которой раздавался истошный детский крик, — позже ее стали называть «комнатой плача», и вошли внутрь.

Вдоль стен стояло с полдюжины белых эмалированных кроваток, и у каждой в головах была привязана бирка.

— Где мой ребенок? — задыхался Баттон.

— Вон там! — указала сестра.

Взгляд господина Баттона следовал за ее пальцем, и вот что он увидел. Закутанный в объемистое одеяло, помещаясь в кроватке лишь частично, сидел старик лет примерно семидесяти. Его редкие волосы были совершенно седыми, а с подбородка спускалась дымчатая борода, нелепо развеваемая ветерком, залетавшим в распахнутое окно. Его поблекшие, белесые глаза недоуменно уставились на Баттона.

— Я что, сошел с ума? — прогремел тот, и ужас на его лице постепенно сменился гневом. — Или это одна из ваших омерзительных больничных шуточек?

— Никто из нас не позволил бы себе шутить подобным образом, — строго отвечала медсестра. — Я не знаю, в своем вы уме или нет, но это совершенно определено ваш ребенок.

Холодный пот вновь проступил на лбу господина Баттона. Он закрыл глаза, вновь открыл их и посмотрел: ошибки не было, перед ним был семидесятилет-

ний мужчина. Семидесятилетний ребенок, чьи ноги свисали с бортов кровати, в которой он сидел.

Старик спокойно смотрел на них, а затем внезапно заговорил надтреснутым голосом.

— Ты мой отец? — спросил он.

Господин Баттон и сестра встрепенулись.

— Если ты и впрямь мой отец, — раздраженно продолжал тот, — то я хочу, чтобы ты забрал меня отсюда или хотя бы распорядился, чтобы мне принесли кровать поудобнее.

— Во имя всего святого, откуда ты взялся? Кто ты вообще такой? — яростно завопил Баттон.

— Я не могу точно сказать, кто я такой, — последовал жалобный ответ, — ведь я родился всего несколько часов назад, но моя фамилия Баттон.

— Ты лжец и мошенник!

Старик устало посмотрел на медсестру.

— Хорошо же у вас относятся к новорожденным, — с укоризной прозвучал его слабый голос. — Скажите ему, что он неправ.

— Вы ошибаетесь, господин Баттон, — резко одернула отца медсестра. — Это ваш ребенок, и вам придется с этим смириться. Мы настоятельно просим вас сегодня же забрать его домой и сделать это как можно скорее.

— Домой? — переспросил тот, не веря своим ушам.

— Разумеется, мы же не можем оставить его здесь! Это невозможно!

— Я буду очень рад, — посетовал старик. — Это место подойдет кому-то помоложе и не такому требовательному. Среди всех этих криков и завываний положительно невозможно уснуть. Я попросил чего-нибудь

поеть, — тут в его голосе послышались нотки возмущения, — а мне принесли бутылочку с молоком!

Господин Баттон тяжело опустился на стул рядом с кроваткой сына и схватился за голову.

— Святые небеса! — бормотал он в священном ужасе. — Что скажут люди! Что же мне делать!

— Вам следует немедленно забрать его домой! — напомнила медсестра.

Перед глазами измученного отца с ужасающей ясностью проступала гротескная картина: он идет по улицам, а бок о бок с ним шествует этот отвратительный призрак.

— Не могу! Не могу... — простонал он.

Люди будут останавливать его, задавать вопросы и что он им ответит? Придется ему знакомить их с этим... с этим семидесятилетним стариком: «Это мой сын, родился сегодня, рано утром». И старик подберет свое одеяло, и они поплетутся дальше, мимо шумных лавок, мимо невольничьего рынка — в миг помрачения Баттон страстно пожелал, чтобы его сын оказался негром, — мимо квартала роскошных особняков, мимо дома престарелых...

— Да соберитесь же и придите в себя наконец! — прозвучал над его ухом командный голос сестры.

— Видите ли, — внезапно провозгласил старик, — если вы считаете, что я отправлюсь домой вот в этом одеяле, вы ошибаетесь.

— У детей должны быть одеяла.

Старик ехидно рассмеялся, продемонстрировав маленькую белую пеленку.

— Смотрите! — дрожащим голосом проговорил он. — Вот во что меня собирались одеть.

— Все дети это носят, — чопорно вскинулась медсестра.

— Что ж, — надулся старик, — еще пара минут, и я вообще ничего не стану надевать! От этого одеяла у меня все чешется. Могли бы хоть простынь дать!

— Не снимай его, не надо! — спохватился господин Баттон, затем повернулся к сестре:

— И что же мне делать?

— Купите своему сыну какую-нибудь одежду.

Вдогонку ему слышался голос сына: «И трость, папа. Мне нужна трость».

Уходя, господин Баттон яростно хлопнул дверью.

II

— Доброе утро, — господин Баттон нервно поздоровался с клерком Чесапикской Галантерейной Компании. — Я хочу купить одежду своему сыну.

— Сколько ему лет, сэр?

— Часов шесть, — последовал незамедлительный ответ.

— Товары для новорожденных вон там, сзади.

— Полагаю, что они мне не нужны. Просто... это очень большой ребенок. Очень, эээ, крупный.

— У нас есть самые большие размеры.

— Где одежда для мальчиков? — отчаянно лавировал господин Баттон, чувствуя, что клерк, должно быть, пронюхал, что за постыдную тайну он скрывал.

— Вам туда.

— Что ж... — он помедлил. Мысль о том, что его сын сейчас наденет мужскую одежду, была невыносима. Если ему посчастливится найти мальчишеский

костюм большого размера, можно будет сбрить эту кошмарную бороду, покрасить седину каштановым и как-то скрыть самое ужасное, заодно сохранив собственное достоинство, не говоря уже о положении в балтиморском обществе.

Впрочем, лихорадочный поиск в отделе одежды для мальчиков ничего не дал — ни один костюм не подошел бы новорожденному Баттону. Разумеется, вина лежала на сотруddниках магазина, как и полагается в таких случаях.

— Так сколько лет вашему сыну? — полюбопытствовал клерк.

— Шестнадцать.

— О, прошу прощения. Мне послышалось «шесть часов». Одежда для подростков в другом крыле.

Несчастный господин Баттон побрел прочь, но вдруг остановился, просияв, и ткнул пальцем в манекен на витрине:

— Вот! Я куплю костюм с этого манекена.

Клерк недоуменно уставился на него.

— Но он совсем не детский. Нет, конечно, его можно носить, но он маскарадный! Вы бы и сами могли его надеть!

— Заворачивайте, это то, что мне нужно, — бросил раздосадованный клиент.

Потрясенный клерк подчинился.

Вернувшись в больничную палату, мистер Баттон швырнул пакет сыну.

— Давай, одевайся! — выпалил он.

Старик развязал пакет, недоуменно уставившись на его содержимое.

— Какая-то странная одежда, — недовольно заметил он. — Я не хочу выглядеть как дурак.

— Это я рядом с тобой выгляжу как дурак! — в гневе парировал Баттон. — Не важно, на кого ты там будешь похож. Надевай, или... или я тебя выпорю!

Он сглотнул — последнее слово далось ему нелегко, но поступить иначе он не мог.

— Хорошо, отец, — послышался ответ, в котором звучало насмешливое подобие сыновней почтительности. — Ты больше жил на этом свете, тебе виднее. Как скажешь.

Заслышав слово «отец», господин Баттон вновь содрогнулся.

— И поживее!

— Стараюсь, отец.

Когда сын наконец оделся, Баттон оглядел его с кислой миной. Костюм состоял из носков в крапинку, розовых штанов и курточки с поясом и широким белым воротником, над которым развеялась длинная седая борода, достававшая почти до живота.

Зрелище было удручающее.

— Погоди!

Господин Баттон схватил хирургические ножницы и тремя щелчками отхватил большую часть бороды. Однако даже после такой манипуляции общая композиция была далека от совершенства. Копна всклокоченных волос, слезящиеся глаза, старческие зубы никак не сочетались со столь забавным костюмом. Но господин Баттон был непреклонен, протянув ему руку.

— Идем! — сурово приказал он.

Сын доверчиво взял его руку.

— Как ты будешь звать меня, папа? — дрожащим голосом спросил он, пока они покидали палату. —

Просто «сын», пока не придумаешь чего-нибудь лучше?

Господин Баттон фыркнул.

— Я не знаю, — резко бросил он. — Думаю, назовем тебя Мафусаилом.

III

Даже после того, как скудную поросль на голове пополнения семейства Баттонов коротко остригли, а затем окрасили в неестественно черный, лицо выбрили так тщательно, что оно блестело, и вырядили в мальчишечью одежду, заказанную у ошарашенного портного, Баттон не мог не признать, что его сын совершенно не годится на роль первенца. Несмотря на старческую сутулость, Бенджамин Баттон — такое имя ему дали, несмотря на более подходящее, но оскорбительное Мафусаил, — был ростом пять футов восемь дюймов. Одежда не могла это скрыть, как и подстриженные, подкрашенные брови не скрывали слезящихся, поблекших, усталых глаз. Няня, которую наняли заранее, сбежала из дома, пылая праведным гневом, едва лишь взглянув на него.

Но глава семейства был настроен весьма решительно. Бенджамин был ребенком и должен был вести себя, как ребенок. Сперва он заявил, что, если Бенджамину не нравится теплое молоко, он может вообще ничего не есть, но все же его наконец убедили давать сыну хлеб с маслом и даже овсянку в качестве компромисса. Однажды он принес домой погремушку, вручил ее Бенджамину, недвусмысленно дав понять, что тот обязан с ней играть, и старик, с усталым видом приняв ее из рук отца, послушно принялся звенеть ей по нескольку раз за день.